

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАРТ 2015 г. • № 3 (221) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

УТРОБНАЯ РУСОФОБИЯ

Утробная русофобия, так же как и любая другая утробная ксенофобия разъедает души даже вполне образованных и причастных к большой культуре людей.

Все русские литераторы хорошо помнят, как наш нобелевский лауреат Иосиф Бродский, уже проживая в Америке, дал отпор на мировом литературном форуме зарвавшимся русофобам. В то время как российская делегация, состоящая из таких писателей, как Татьяна Толстая, стыдливо отмолчалась. Обратимся к его полемике с чешским писателем Миланом Кундерой, ныне столь щедро рекламируемом в российской прессе и издаваемом в наших престижных издательствах. Этим бы издательствам заодно в предисловии напечатать сначала статью Кундеры "Предисловие к вариации" из книжного обозрения в "Нью-Йорк таймс" от 6

января 1985 года, а затем и ответ Иосифа Бродского буквально через месяц в воскресном "Книжном обозрении" газеты "Нью-Йорк таймс" от 17 февраля 1985 года "Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому". Тем более что статья Милана Кундеры осознанно нашими культурными либералами ни разу не была опубликована в нашей прессе.

А на обложку всех книг Милана Кундеры, выходящих на русском языке в России, я бы обязал выносить жирными буквами изречение Иосифа Бродского, тоже стыдливо замалчиваемое в нашей прессе: "Кундера – это быдло. Глупое чешское быдло".

Впрочем, ещё за год до своей антидостоевской статьи Кундера опубликовал в апреле 1984 года там же, в центральном органе всех мировых либералов, свой нашумевший манифест "Трагедия Центральной Европы". Кундера, как всякий бывший коммунист, как всякий ренегат, сначала верноподданнически подмахивавший советской власти и даже споривший с Вацлавом Гавелом осенью 1968, призывая к компромиссу с советской армией, к отказу от сопротивления, к "умеренности и реализму", отказавшись от своих былых взглядов, стал люто поносить своих бывших единомышленников. Ему уже мало было критики Советского Союза, он решил бороться со всей тысячелетней Россией и её великой литературой... он решил бороться даже со своим собственным славянством. Он негодует: "Чехам (вопреки предостережениям своей элиты) нравилось по-детски размахивать "славянской идеологией", считая её защитой от германской агрессии. Русские тоже с удовольствием использовали её для оправдания своих имперских планов". "Русские называют всё русское славянским, чтобы потом назвать всё славянское русским"... Джозефа Конрада, поляка по происхождению, раздражал ярлык "славянская душа", который навешивали на него и его книги... Как я его понимаю! Я тоже не знаю ничего более нелепого, чем этот культ туманных глубин, трескучие и пустые рассуждения о "славянской душе", которую мне периодически приписывают..."

Поражает самопредательство славянских писателей, отказ не только от связи с русской культурой, но и от истории своих народов. Решили в немцах или американцев переименоваться, будто те их только и ждут. Куда, на самом деле, деться тому же Джозефу Конраду не только от славянской души, но и от русскости, ежели он, рождённый на Украине, рос и познавал мир всё в той же Вологде, недалеко от Череповца, и до конца дней своих говорил по-английски с чисто славянским акцентом? Не уйти было от славянского мира ни Милану Кундере, ни Даниле Кишу, ни Адаму Загаевскому...

Вот из таких ренегатов всегда позже и вырастают самые злобные русофобы. По сути, все либеральствующие интеллигенты и политики стран Восточной Европы – изошрённые коллаборационисты, отдающие свои страны и народы в американское рабство. Лишь бы союз с Россией, единственной страной, которая никого в рабство заполучать не собирается.

Кундера пишет: "Россия – это особая цивилизация, другая цивилизация... не просто одна из европейских стран..."

Изречения Кундеры и ему подобных хорошо бы вывесить на стенку наших либералов, мечтающих стать европейцами. Десятку-другую Печерных Европа выдержит, но остальным уж точно даст под зад коленом. Я ещё у Ле Пена в своё время в гостях на его даче, спрашивал: "Почему вы так настроены к русским? Чем арабов и негров пускать сотнями тысяч в Париж, лучше бы русских пустили к себе на чёрные работы. Или мы для вас не белые?".

Ле Пен отвечал: "Вы всё-таки другие, другая цивилизация". Но он хотя бы не был русофобом. А вот Милан Кундера пугается даже русских литературы, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. Услышьте же, наконец, Игорь Золотушский и Игорь Волгин, о кундеровском "ужасе, перед миром, который встаёт со страниц его (Гоголевской, – В.Б.) прозы. Стоит оказаться внутри него, как мы сразу понимаем, насколько он нам чужд". Кундера обвиняет и западную Европу за её рационализм, с которым она легко предала восточноевропейские страны в утробу русским.

И вот сейчас все эти страны вошли в НАТО, в общую Европу, подавляя своими голосами старые европейские интересы в угоду главному хозяину – Америке. За что уважать эти сервинильные лакейские образования, лишённые всякой истинной независимости? Ещё раз повторю знаковые слова Иосифа Бродского в адрес Милана Кундеры: "Кундера – это быдло. Глупое чешское быдло".

А я вспоминаю откровенный разговор с одним из крупнейших политиков Германии: "С вами, русскими, мы ещё договоримся, у вас есть своя цель, свой смысл существования, но уж с поляками дозвольте нам справиться самим. Это не народ. Так. Напыщенное лакейство...". И так думают почти все западноевропейские политики, временно политкорректно пряча свои мысли.

Милан Кундера в своём письме "Предисловие к вариации", пока ещё скрываемом от русского читателя, пишет: "Меня раздражала атмосфера романов Достоевского: мира, где любая мелочь оборачивается переживанием, или, другими словами, где чувства возводятся в ранг ценностей и истин..."

Русская "сомнительная чувствительная оккупация" чужу чужда, и виноваты в этой оккупации – по Кундере – не советские танки и не коммунистический режим, а Достоевский и Гоголь, вечная сентиментальная имперскость. Милан Кундера пишет: "Столкнувшись с бесконечностью русской ночи, я ощутил в Праге насильственный конец

западной культуры, появившейся на заре нового времени... конец Запада, каким он представлялся мне на заре модернизма. В маленькой западной стране я видел закат западного мира. Это было великое прощание".

Бродский объясняет нашкотившему Кундере, что он лишь пал жертвой геополитической детерминированности – концепции деления мира на Запад и Восток, придуманной всё на том же рациональном Западе, никак не желающем впускать в Европу чересчур громоздкую Россию. Но заодно относящих к тому же Востоку и всех этих "полячишек, чешишек и прочих румынов".

Указал Иосиф Бродский презрительно и эстетическое место Милану Кундере в сравнении с Федором Достоевским. "Если у литературы и есть общественная функция, то она... в том, чтобы показать человеку его духовный максимум. По этой шкале метафизический человек романов Достоевского (так же как герой стихов Иосифа Бродского или Юрия Кузнецова, – В.Б.) представляет собой большую ценность, чем кундеровский уязвленный рационалист, сколь бы современен и сколь бы распространен он ни был".

Но, предавая Россию и Достоевского, Милан Кундера, сам может быть не догадываясь об этом, далее предаёт и свой любимый Запад, предаёт свою Чехию в угоду Западу, и воспекает лишённое и религии, и культуры, и любой другой фундаментальной основы безликое безнациональное общество взаимных предателей. Читая Кундере, понимаешь, что ждёт Европу от исламских фундаменталистов. Как его любимая героиня Сабина из "Невыносимой лёгкости бытия", он пестует предательство как образ жизни...

Прошли десятилетия после предательства Кундерой великой русской культуры, в своё время и воспитавшей его. В очередь за Кундерой выстроились тем временем десятки, а может уже и сотни писателей, режиссёров и художников Восточной Европы и всего постсоветского пространства. В конце концов, это и есть признак мелкой потребительской культуры, за похлёбку предавать хозяев, из просоветских и прорусских легко становиться проемецкими или проамериканскими, лишь бы деньги платили. Политика тут как бы и не причём.

Ведь можно как угодно относиться к Сталину, Брежневу, Ельцину, Путину, но если ты воспитан на русской культуре, то как можно заодно с Путиным или Ельциным предавать и Чехова, и Станиславского, и Пушкина, и Гоголя? Не верю в подобную объективность. Самая крутая и наглая ложь. И вот уже два примера из недавнего времени.

Первый, о грузинском режиссёре Отаре Иоселиани, столь любимом всеми нашими театрами. И опять же, речь идёт не о политике и политиках. Грузинский режиссёр сказал: "Мира у нас с Россией никогда не будет!.. Если раньше мы испытывали к ней презрение, сейчас возникла ненависть. Это очень серьёзно. Поэтому живите с русскими, как вам угодно. Целуйтесь с ними и говорите, что НАТО – это опасно, а Россия – это безопасно. Но возврат к прежнему невозможен! Двести лет терпения и презрения накопились"... Иоселиани осуждает не президентов и не генералов, а саму русскую нацию, саму русскую культуру. Значит, двести лет нас терпели и презирали, а зачем? Зачем наприсились в состав Русской империи? Пусть бы вас, господо грузины, перерезали бы турки, целиком и окончательно. Так же, как и болгар, и молдаван, и другие ныне жутко антироссийские нации.

Мне недавно сказал один известный немецкий политик: "Беда у вас, русских, только одна – вы любите возиться со своими малыми народами, опекают своих соседей. Вам это не нужно, территории у вас хватает, сырья хватает, великая культура, пусть они сами о себе заботятся...". Немцы так и поступают рационально. Знают, что доверять никому нельзя.

Вот второй, самый свежий пример, уже описанный в "Свободной прессе". Хорошо знакомый мне по общему театральному прошлому, известный всей России литовский режиссёр Эймунтас Некрошюс, прославившийся и в России, и по всей Европе прежде всего своими постановками русской классики, своими яркими интерпретациями произведений Гоголя, Пушкина, Достоевского, Толстого, вдруг заявил о своей ненависти ко всей русской культуре. Не к сомнительным творениям того же Владимира Сорокина, "Дети Розенталя" которого он поставил в Большом театре, а ко всей русской культуре. Некрошюс заявил: "В прошлом я бы сказал, что это очень близкая культура – для меня, Литвы. Но в последнее время моё отношение претерпевает большие изменения. И ничего не можешь с собой поделать. Меняется мнение и о русском театре, и о российском кино, о всей русской культуре". Неужели Некрошюс не понимает, что он сам как режиссёр без вскормившей его русской театральной школы (а он выпускник ГИТИСа из мастерской Андрея Гончарова, давшей миру и России немало знаменитых режиссёров, от якута Андрея Борисова до самого Эймунтаса Некрошюса), ничего не знает?

Можно не любить ту или иную партию, тех или иных политиков, ту или иную власть, но сжигая башню культуры, на которой ты стоишь, не боишься ли и сам сгореть?

Неужели и Милан Кундера, и украинские поэты Драч и Павличко, и белорус Василь Быков, и грузин Отар Иоселиани, и литовец Эймунтас Некрошюс, и многие другие болгарские, польские, эстонские писатели и режиссёры, от Баниониса до Ветемаа, всю жизнь свою в культуре мелко врали и притворялись; так чего же стоит тогда эта их лживая культура?

Я говорю не об осознанных борцах с Россией, прошедших сквозь тюрьмы и лагеря, а об известных именно своей лояльностью СССР и России мастерах культуры. Это сегодня Некрошюс пишет: "Ты начинаешь придерживать дистанции. От того, что ранее слепо, явно возвышали не только Литва, но и страны Балтии и другие страны. Русскую культуру возвышали даже в ущерб собственной культуре. Смотрели на русскую культуру с лакейских позиций, с позиции меньшего. "Это наш старший брат", – твердила пропаганда, которой мы должны были придерживаться и верить. Так мы и поступали...". Тем самым Некрошюс себя и выдаёт: настоящий художник, ухась даже у самых великих мастеров прошлого, никогда не лакействует.

Скорее, лакействуют перед всеми этими русофобами наши либеральные чиновники и дельцы от культуры, превознося заслуги и Некрошюса и Иоселиани, щедро печатая Кундере и других русофобов большими тиражами. Наши либералы и впрямь ныне презирают великую русскую литературу – почитайте того же Невзорова и ему подобных. Не пора ли дать им всем отпор?!

Валентин Григорьевич РАСПУТИН (15.03.1937 – 15.03.2015)

**На блаженную кончину писателя
Валентина Григорьевича Распутина**

Горькая весть обожгла нас.

Никакими словами невозможно передать боль утраты, постигшей Россию и весь наш славянский мир.

В ночь с 14 на 15 марта завершился земной путь Валентина Григорьевича Распутина – великого гражданина

не укради, не прелюбодействуй, любовь в образе сладко поющей волшебной птицы, не разрушающей своего гнезда; традиции и обычаи, язык и легенды, покойники и история – всё это заметно перестаёт быть основанием жизни. Основание перестаёт быть основанием, и чем оно заменится? Победителей этот вопрос не интересует. Чем-нибудь да заменится, на то и завтрашний день..."

Как настоящий, природный христианин и русский чело-

Невозвратная потеря

России, классика русской литературы, нашего национального героя, участника сражений за русского человека, за Русскую землю, за русский Байкал, за Русское Слово...

Мы все с нетерпением ждали каждую его новую книгу, мы были благодарными зрителями спектаклей и фильмов, созданных по его драгоценным произведениям.

В его Слово вслушивалась вся совестливая Россия. Воистину энциклопедическими трудами и публицистическими статьями Валентина Григорьевича его родная Сибирь прирастала животворной исторической памятью и созидательной духовной энергией.

Трудно смириться с мыслью, что этот близкий и родной нам русский человек уже в Небесных обителях, что к нему уже не придешь за советом, за духовной поддержкой, в которых так часто нуждались и которые всегда от него получали...

Он остаётся с нами.

Он упрямо предубеждает нас: "Честь, совесть, не убей,

Пришло воистину народное горе. Умер великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин.

Хранитель русского языка, хранитель русской литературы, хранитель русской совести. Таким он и запомнится навсегда, не просто русским писателем, не просто деятелем культуры, а одним из больших символов русского народа. Написал он не так уж много, но как говорится: "мал золотник, да дорог". Все его повести и рассказы уже давно стали неотъемлемой частью великой русской литературы.

Для нас, авторов и сотрудников газеты "Завтра" он навсегда останется и одним из наших сподвижников, членов редколлегии газеты "День", соавтором наших общих писем в защиту русского народа и русской литературы, да и просто классиком русской национальной прозы XX века. Не забудем и о том, что его подпись стояла в газете "День" под "Словом к народу", и в отличие от иных гражданских и военных подписантов, он свою подпись не отзывал в самых суровых условиях 1993 года.

Я познакомился с Валентином Григорьевичем ещё в восьмидесятые годы, бывал у него дома и в Иркутске, и в Москве, бывал на его байкальской даче. Довелось не раз и брать у него интервью для нашей газеты. Рад, что Валентин Григорьевич доверил мне право сделать инсценировку его знаменитой повести "Прощание с Матёрой" для доронинского МХАТа имени Горького. Спектакль по этой инсценировке шёл более десяти лет с неизменным успехом. Бывал на этом спектакле и сам Распутин. Всегда поражаля его скромность и такое чисто христианское смирение, при том что от позиций своих он никогда не отказывался, не боясь навлечь на себя гнев правителей.

В начале 90-х, когда мэром Москвы был Гаврила Попов и по Арбату бегали жирные крысы, спускаюсь в метро и чувствую – не взгляд, а два тлеющих уголька в мрачном подземелье, в катакомбах: тогда серость осевшей сажей легла на лица и на всё сущее в пространстве. Два уголька просто источали общее человеческое стечение.

Я обернулся на тлеющие огоньки – Валентин Распутин стоял, как это он всегда любил, в сторонке, в глубине. Тогда ещё его дочь не погибла, и приветливая, красивая и очень скромная жена Светлана была жива. И творческая судьба, казалось бы, складывалась так, что на сегодняшний день видится почти нереальным: в тридцать семь лет лауреат Государственной премии, абсолютное общепризнанное признание, член Президентского совета, великолепная квартира в районе Арбата... Но глаза Распутина – нечеловечески страдали. Или – человечески, как на распятыё...

Чуть позже я стал вести программу на радио. Пригласил Распутина. Говорим в прямом эфире о его известных произведениях – и почти никакого отклика. Общество тогда было так накалено противостоянием (увы, и поныне), что народ хотел слышать и говорить только о левых и правых, либералах и патриотах. Мне пришлось сменить пластинку. И обвал звонков! Вот проблема-то: как Валентин Распутин относится, скажем, к Рыжему...

Распутин, который в быту был молчалив и довольно косноязычен, перед микрофоном выступал прекрасно. Причина проста: ему было что сказать о главном, о существе. О том, что вне быта и над бытом.

1989 год, Сrostки, Шукшинские чтения. На горе Пикет 40 тысяч, как сообщали, человек – Пикет издали напоминает распутившийся бутон! Распутин говорит о существе совести... В буквальном смысле – муха не пролетит! 40 тысяч зажённого ожидания, веры, что пришло долгожданное время, дальше существо совести обоймёт нашу жизнь, и только оно, подлинное существо наше, будет важным!

В 2000-ом у меня выходила книга. Мне говорили, что Распутин предисловий не пишет. Но я к нему обратился. И он взялся. Принёс ему рукопись на квартиру в Старо-Конюшенном переулке. Глянул на рукописный текст, лежащий на столе: мелким бисером написанные строки – с лупой не прочитать! Такой "эффект" обрело его зрение после того удара тяжёлым предметом (кастетом, наверное), который великий писатель получил в 70-х от уличных хулиганов. Он сказал мне, что в день способен только один час или читать, или писать: что-нибудь одно. Я уж, было, обратно рукопись взять, но – это же Распутин! "Нет, нет, Володя, я напишу". "А куда подевалось в России родство?" – назывался его статья о моей книге "Можно ли Россию пешком обойти?..."

В 2011-ом меня пригласили в Иркутск на литературные встречи "Этим летом в Иркутске". Не ради бахвальства хочу сказать – хотя здоровый человек не может в данном случае не погордиться. Выхожу на сцену Иркутского академического театра, полон зал (таков исторически Иркутск), и на пятом-шестом ряду вижу Валентина Григорьевича с чудной его женой Светланой. Светлана была – воистину женщина-

Он равно говорил и с земными "царями", и с коллегами-писателями, и со своими земляками. Потому и на самом деле его повести были истинно народной прозой. Не было в нем никогда и гордыни, мол, знаменитый писатель, гений земли русской. Он был просто – одним из крестьян, одним из сибиряков, одним из писателей. А если уж сумел показать трагедию русской деревни, исчезновение старого народного уклада, характер русского человека, значит, и дано было ему от Бога – многое. Потому и становятся его слова – завещанием всей будущей России: "Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад России не получит, – писал Распутин. – Всех патриотов в гроб не загнать, их становится всё больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого ещё не бывало, но может быть. Я верю – мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако лёгкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства – слишком лакомый кусок".

Он и сам жил, писал, и мыслил, как вся Россия, независимо, согласно нравственным законам своего народа, но лёгкой жизни не знал никогда. Сначала в авиакатастрофе 9 июля 2006 года погибла его дочь Маруся, а потом, в 2012 году, умерла супруга Светлана Ивановна. Эти смерти подломили и самого писателя. О себе уже и не думал, все мысли – о России.

Это и было литературным и гражданским завещанием великого писателя: беречь и хранить Россию, как бы трудно нам ни было. Так и будет!

Владимир БОНДАРЕНКО

све! Красива, улыбчива, скромна до невероятного! Пара! Иркутское издательство "Сапронов" выпустило маленькую книжку моих рассказов. Она там же, в театре, продавалась. И после встречи на сцене выстроилась очередь людей с книжками, чтобы автор оставил свой автограф. Я сижу, пишу пожелания, голову поднимаю – ба, Распутин в очереди с моей книжкой стоит! Валентин Григорьевич, да вы что, я бы сам вам подписал и принёс авторский экземпляр!.. Ну, зачем же, Володя, я купил... Плакать, братцы, охота – сле-за просится... Такие люди разве возможны?

На званном ужине Валентин Григорьевич усадил меня рядом и весь вечер мне подкалывал всякую уксытину вроде байкальского омуля, подливал чего выпить. В моём-то понимании он давно уже был там, в сонме великих – представляет, Лев Толстой наполняет вашу рюмку. Я взмолился: неловко! "Ты же гость, Володя, ты же гость". Так, друзья, я дальше спокойно и запрюкидывал эти рюмочки, наполненные Валентином Распутиным! (Сам-то он давно уже – ни грамма!) Я спросил его: что он пишет. Давно уже ничего не пишу. Почему? Интерес пропал.

Скоро я увидел фильм Сергея Мирошниченко "Река жизни". Валентин Распутин в кадре также отвечает, почему не пишет? Иначе: а кому читать-то?

Фильм поразительный! Валентин Распутин две серии почти постоянно молчит. Его творчество и даже образ мысли объясняет великий златоуст Валентин Курбатов. Рядом, тоже не очень многословный издатель Геннадий Сапронов: подлинный герой нашего времени. Он, журналист, ввязался в бизнес, чтобы на заработанные деньги издать книги современных русских писателей.

В фильме ему доводится отвечать на вопрос: что такое смерть? (Почему его задали? Почему именно ему?) Сапронов отвечает, что смерти нет. И указывает на прекрасное изданные им книги – Распутина, Астафьева... Он умер сразу же после возвращения со съёмки фильма: переступил порог собственной квартиры, успев сфотографировать: "Что я видел...". Упал, и всё.

Следующим днём мы сидели в кабинете директора театра – красивого человека с безупречными манерами, чувством такта, идеального соответствия в одежде – Анатолия Стрельцова. Стрельцов вдруг задумчиво и размеренно повёл рассказ: "Вчера посмотрел на карту мира...". И мгновенно, не меняясь в лице, Распутин добавил: "Не понравилась".

Это было очень смешно: не понравилась карта мира?!

Но ещё и лицо Валентина Григорьевича: абсолютно отстранённое. Он, вроде, здесь, и его нет.

Валентин Распутин – писатель притчи. Глобального образа. Но при этом юмор-то у него какой: вот помирает старуха, товарка (подруга) приходит, которая тоже уже туда собирается, – и сколь смеха, иронии. Мудрости.

Произведения Валентина Распутина имеют совершенную форму. Вот и умер он, не дотянув несколько часов до своего дня рождения: будто и здесь соблюдал сюжетный размер: завершил последний срок и также в срок начал отсчёт нового рождения в нетленной жизни художника.

Владимир КАРПОВ